

АПОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБЩИНЫ

Геннадий ШИМАНОВ

Община есть одно уцелевшее гражданское учреждение всей русской истории. Отними его, не останется ничего; из него же развиваться может целый гражданский мир.

А.С.Хомяков

Если хотите, коллективистские начала являются генетическим кодом нашего общества. Когда в живом организме отдельные органы и клеточные структуры начинают функционировать автономно, вне единых правил, как бы живут по принципу «бери от жизни всё», в результате возникает новое образование – раковая опухоль, которая губит сначала близлежащие клетки, а затем и весь организм. Нечто подобное происходит в обществе, в котором доминирует принцип индивидуализма, вседозволенности и бесконтрольности. Такое общество обречено на саморазрушение.

Академик Д.С.Львов

В чём преимущества общинного образа жизни перед исключительно личным? Или перед исключительно лично-семейным образом жизни? Попробуем перечислить эти преимущества и раскрыть их кратко.

ПЕРВОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО: община «держит» национальную религию народа, т.е. не позволяет ей таять в его представителях.

Если какой-то отдельный человек может жить без национальной религии своего народа и, как правило, не утрачивает при этом ни желания жить, ни способности думать и строить какие-то планы в своей жизни; если всякая отдельная семья может тоже жить без национальной религии своего народа и держится при этом на взаимной любви супругов, на их любви к детям, на общности их жилья и другого имущества; то для национальной общины таких дополнительных опор нет. Общая национальная религия её членов – это главное её основание, с разрушением которого тут же рушится сама община.

И сами общинники прекрасно понимают эту зависимость своего единства от своей общей религии. Понимают, что она есть главная их связь, от которой зависят все остальные их связи. Поэтому они кровно заинтересованы в том, чтобы сделать её нерушимой и в том, чтобы их национальная религия обладала высоким авторитетом в глазах каждого общинника и усваивалась им с детства.

Конечно, национальную религию «держит» в народе не только национальная община. Национальная религия невозможна без самого института Церкви, её верования, её таинств и её священства. Кроме того, национальную религию может «держат» государство, если оно сознаёт себя христианским. Национальную религию «держат» в меру своих сил и всякая отдельная христианская семья, и все христиане, как разрозненные, так и более или менее связанные друг с другом.

Но без правильно организованной национальной общины, размноженной в общенациональном масштабе, всех этих «держаний» недостаточно для сохранения в народе его национальной религии. Недостаточно потому, что в разрозненных людях и в разрозненных семьях идут в рост эгоистические их наклонности, а высшие их способности затухают. Это правило, из которого могут быть редкие исключения, но духовная направленность общества определяется не исключениями из правила, а самим правилом.

Вот почему общество, построенное на принципе самодовлеющей личности, обречено на прогрессирующую нравственную порчу, которой нет конца. И даже на порчу интеллектуальную, потому что интеллект в безнравственном обществе приобретает

уродливые черты. А по мере нарастания его уродства – и демонические черты.

Итак, вот первое преимущество общинной жизни по сравнению с жизнью разрозненной: община «держит» в народе его национальную религию, а разрозненное состояние людей её не «держит». Национальная же религия «держит», в свою очередь, общенародную нравственность и, кроме того, является фундаментом общенародного идейного единства.

ВТОРОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО общинной организации жизни: она спасает семью от разрушения. Для сохранения семьи в истории недостаточно тех опор, о которых сказано выше. Семья может держаться без религии на протяжении одной человеческой жизни, но при смене поколений она утрачивает постепенно свою крепость. И нынешнее состояние семьи в безбожном мире подтверждает сказанное.

Кроме того, национальная община не только стоит на страже правильной организации семьи, но и создаёт вокруг семьи здоровую в нравственном и умственном отношении микросреду, которая защищает её от духовных болезней, господствующих в безбожном мире. И чем больше разрастается эта здоровая микросреда, чем успешнее она превращается из микросреды в среду значительную, тем существеннее её благотворное влияние на духовное состояние семьи.

Об этом я уже писал в статье «Здоровая семья как условие национальной безопасности России», к которой я и направляю желающих ознакомиться подробнее с этой темой. Но далее я дополню сказанное в ней двумя столь важными темами, что каждая из них заслуживает быть выделенной в особое преимущество общинной жизни.

ТРЕТЬЕ ПРЕИМУЩЕСТВО общинной жизни: община является условием восстановления детородной продуктивности народа. Об этом свидетельствует следующий факт: народы, сохраняющие общинный строй жизни, не сокращаются численно, а народы, утратившие общинный строй, сокращаются.

Чтобы понять, почему так происходит, надо обратить внимание на следующие два обстоятельства.

Разрозненность людей эгоизирует их интересы и провозирует их на борьбу за личный успех в жизни. Она впрягает их в изматывающую гонку за материальным успехом. Первым в неё включается муж, а затем и жена, которая хочет работать вне дома не только увеличить семейный бюджет, но и упрочить свою самостоятельность, подкрепить её своей материальной независимостью от мужа.

Разрозненное состояние людей порождает всё более матёрых эгоистов, которым дети не то чтобы не нужны, но нужны лишь в последнюю очередь, как увенчание их жизненного успеха. На первом этапе жизни дети для них обуза, мешающая им добиваться успеха и располагать временем для развлечений и наслаждений. Рождение ребёнка откладывается на поздний срок, когда супруги созреют в материальном отношении для продолжения себя в детях. Если только созреют и если захотят себя продолжить.

Число детей в семье при таком настроении должно постоянно сокращаться, и оно действительно сокращается в бывших христианских народах. До единицы или даже до нуля. А это значит, что они начали вымирать. И вымрут окончательно, если не изменят свой нынешний образ мысли и образ жизни.

Причём высокий уровень материальной жизни, достиг-

нутый европейскими народами, этому вымиранию не мешает. Поэтому сводить причину вымирания современного русского населения только к его материальной нищете значит свидетельствовать о своей умственной слепоте.

Выше описан, в общих чертах, фактор субъективный, работающий на демографическую катастрофу народов. Однако есть ещё и объективный фактор, порождаемый той же разрозненностью людей и тоже препятствующий деторождению. Этот фактор заключается в том, что работать вне дома и быть матерью трёх-четырёх детей в современных условиях невозможно просто физически. А для сохранения народа минимальная норма детей в семье должна быть, как известно, не меньше 2,1 ребёнка. Потому что не все дети доживают до детородного возраста.

Но матери, имеющей одного-двоих детей и работающей вне дома, тоже трудно. Ей приходится разрываться между детьми и работой. Такая жизнь не позволяет ей быть ни полноценной матерью, ни полноценным работником вне дома. Вследствие болезней детей и связанных с этим невыходов на работу она оказывается обузой для предприятия. И женщина-мать понимает это обстоятельство, и её самочувствие страдает от этого понимания.

Но если даже она имеет возможность не работать вне дома и, следовательно, посвятить себя целиком своим детям, то и в том случае ей не позавидуешь.

Дети в каком-то смысле – это мёд жизни. Но если человека кормить одним мёдом, то он взвзлетит. Всё хорошо в меру. Человеку нужна не только своя семья, но и своё общество, без которого его жизнь бедна. Как недостаток воздуха делает человека больным, так и недостаток своего общества.

Чужое общество, выход в которое мы имеем сегодня через двери собственной квартиры и через СМИ, не может заменить нам общества своего, в котором все понимали бы друг друга и помогали бы друг другу. Такое своё общество необходимо каждому человеку. Но его нет ни для матери, фактически изолированной вместе с детьми в квартире, ни для её детей, которым тоже нужно своё общество. Для неё нет даже суррогата такого общества в виде трудового коллектива, который есть у её мужа и других матерей, работающих вне дома.

В этом отношении положение матери в русской сельской общине существенно отличалось от её положения в современном мире.

Крестьянка не была прикована к своим детям, как прикована теперь к своему ребёнку не работающая вне дома мать. Её дети не выматывали её. У неё было много помощников по части ухода за ними. За ними присматривали все старшие дети. Причём не только её собственные, но и дети родственников и соседей. За ними же присматривали сами родственники и соседи. Так или иначе, дети находились под присмотром всех членов общины. Вот почему рождаемость в нашей сельской общине оставалась высокой.

И это было не единственной, но одной из главных причин высокой рождаемости среди русских крестьян. Наличие компактно живущих родственников и близких семье по духу соседей, а также наличие своей территории, практически недоступной для чужаков, – вот главное условие сохранения семьи и её детородной продуктивности.

Тот факт, что поселившиеся в Европе магометане сохраняют у себя, в отличие от коренных европейцев, высокий уровень рождаемости, подтверждает сказанное. Подтверждает потому, что они живут по-своему, общинно, сохраняя традиционный уклад. Причём городские условия не препятствуют им в этом.

Высокой рождаемостью отличаются и наши старообрядцы в Америке, общины которых разбросаны по всему континенту. Когда я спросил Светлану Ивановну Беликову (проживающую в Буэнос-Айресе и хорошо знакомую с этой темой), сколько у американских старообрядцев детей в среднем на одну супружескую пару, то в ответ услышал, что восемь. В Северной Америке, добавила она, чуть меньше, поскольку их дома расположены несколько разбросаннее, а в Южной Америке – чуть больше, так как они живут там кучнее.

И дело, думается, не столько в расовых особенностях афро-азиатских народов, сколько в характере мышления разных этносов и субэтносов. В характере мышления, который складывался и складывается под влиянием разных исторических обстоятельств.

Если раньше русский народ практически весь жил общинно, то затем, под влиянием новых политических и социальных обстоятельств, общинное начало стало в нём слабеть – и чем дальше, тем больше. А затем, после 1917 года, остатки общинной организации были добиты окончательно и вымыты из сознания новых поколений почти полностью. Что и предопределило его последующее беспомощное состояние.

В советской России по старообрядцам прошёлся всей своей тяжестью каток подавления религиозных организаций, и в результате общинное начало у них оказалось подорванным. А зарубежные старообрядцы избежали этой участи и сохранили свою общинную психологию и общинные навыки, что обусловило и высокую степень рождаемости даже в условиях городской жизни.

Итак, восстановление детородной продуктивности в русском народе невозможно без восстановления в нём общинного образа жизни.

ЧЕТВЁРТОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО общинной жизни: община не только помогает матери выхаживать детей, но и воспитывает их, т.е. учит уму-разуму и навыкам правильной жизни.

Современная мать не способна на это, потому что сама не знает толком ничего и даже не догадывается об отсутствии у неё главных знаний о жизни. Она усвоила кучу второстепенной или даже вообще ненужной информации, но у неё нет ни понимания, в чём смысл человеческой жизни и как нужно жить правильно, ни потребности в таком знании. Её не учили этому ни в семье, ни в школе, ни в высшем учебном заведении.

Как же она может воспитывать детей, если сама не знает азов правильной жизни? Но и современный отец, прошедший ту же школу «воспитания», ненамного лучше её как воспитатель. А то и хуже.

Наука о смысле человеческой жизни, о том, как надо правильно строить свою семью и окружение своей семьи, как надо правильно относиться к своей религии и своему народу (и почему именно так, а не иначе), – это НАУКА НАУК, это ядро всей системы человеческих знаний. С утратой этого ядра остальные науки утрачивают связь и смысл. Они разбегаются друг от друга всё дальше и оказываются в зависимости от тех, кто обладает деньгами. И не просто деньгами, а очень большими деньгами. И следовательно, властью.

В ходе капитализации жизни наука коммерциализируется и превращается в свою противоположность. В смысле – перестаёт служить разуму и добру и служит тому, что им противоположно. Подлинная наука, служащая Богу и человечеству, мировой плутократии не нужна. Она ей вред-

на и потому уничтожается ею сознательно. Наука же в качестве служанки мировой плутократии действительно совершенствуется и используется для прогрессирующего расстройства человеческих умов. И, как следствие, для разрушения народов. Для упрочения власти эгоистического меньшинства над бездумным большинством человечества.

Вот почему современные родители лишены основ здравого понимания задач воспитания. Этих основ нет в доступной им информации. А разрозненное состояние людей делает их неспособными думать самостоятельно вообще о чём-либо, кроме их сугубо личных дел.

Однако, имея детей, трудно обойтись полностью без мыслей о воспитании. Поэтому какие-то мысли всё-таки оказываются в головах родителей. Или рождаются в них самостоятельно. Или принимаются по наследству от их собственных родителей. Или усваиваются от знакомых. Или вылавливаются из СМИ.

Случайные мысли, не связанные между собой в одно целое, но чаще всё-таки связанные кое-как с мыслью о добре. Хотя о том, в чём оно заключается, каждый думает в одиночку. Да и не очень-то думает, потому что много других забот.

И лишь немногие из родителей дорастают до понимания необходимости религиозного воспитания детей. Учат их сами азам христианского понимания мира, водят их в храм или даже отдают их в православные школы. А каков результат?

Дети послушно внимают своим родителям, пока малы. Но подрастая, они начинают чувствовать какую-то раздвоенность взрослого мира. В Бога, оказывается, веруют не все. А почему?.. Правила жизни, внушаемые родителями и священниками, тоже, похоже, как-то не действуют в большом мире. И даже в школе о них молчок. Но до сознания эти вопросы и наблюдения ещё не доходят. Они живут в подсознании и готовят почву, на которой произойдёт в дальнейшем отход детей, уже переставших быть детьми, от религии. Полный отход или частичный, у кого как.

Отход начинается в подростковом или юношеском возрасте, когда дети постепенно превращаются во взрослых. Сначала они думают самостоятельно и этим уже отдаляются в чём-то от своих родителей, а затем и ведут себя самостоятельно.

Размеры семьи им уже тесны, их тянет общество и, прежде всего, общество сверстников. И поскольку русской национальной общины, этой необходимой после семьи формы общества, у нас нет, то они втягиваются в чужое для них общество, не сознавая того обстоятельства. А если не сознают его чуждости, то принимают за общество нормальное, которому нет альтернативы. И в результате оказываются безоружными перед духом и нормами его жизни, которые и усваивают – кто быстрее, кто медленнее, кто в большем объёме, кто в меньшем. Причём усваивают с каждым новым поколением всё лучше, превращаясь в нечто противоположное тому, на что рассчитывали их близорукие христианские воспитатели.

В чём состоит коренной порок системы современного православного воспитания? Она игнорирует необходимость православно-русского общества для своих воспитанников, не сознавая того, что христианские идеи и нормы жизни не работают в современном большом мире, т.е. в мире маммоны. А своего собственного общества, в котором они работали бы, у православных русских людей нет. Но если нет, то, значит, христианские идеи и нормы жизни должны ат-

рофироваться и вытесняться из жизни христиан идеями и нормами жизни большого мира – нехристианского, и даже всё больше уже антихристианского по его основным принципам жизни.

Сегодня православные христиане разрознены даже в своих храмах. Подавляющее большинство прихожан почти любого храма знает в лицо друг друга, но не испытывает при этом никакого желания познакомиться поближе. Это фактически чужие друг другу люди. Они даже не здороваются друг с другом. Вот тебе и «братья и сёстры». Язык не поворачивается выговаривать такие слова при нынешнем положении.

Современное семейное христианское воспитание, как и обучение в православных школах, не дает детям ни правильного представления об окружающем их мире, ни правильного представления о том, каким должно быть правильное общество и как его созидать.

Вот почему современные православные молодые люди, вступая в большой мир, оказываются, при всех освоенных ими науках, не мыслителями, не воинами и не созидателями правильного мира, каковыми они должны быть хотя бы в зачатке, но лишь приспособленцами к миру маммоны.

Это и предопределяет дальнейшую их судьбу. Как и дальнейшую судьбу всего Христианства в целом, если оно не осознает своей болезни и не исцелится от неё.

В отличие от маленькой одинокой семьи, в которой родители не могут давать своим детям здорового, хотя бы в основе своей, воспитания, община даёт детям такую основу. Здесь высокие истины могут быть не очень высокими (или даже ложными с христианской точки зрения), но они не повисают беспомощно в воздухе, как это происходит в мире разрозненных христиан. В национальной общине высокие для её членов истины «держат» её, а потому и сами «держатся» ею.

Здесь уже с детства человек начинает осваивать ту НАУКУ НАУК, о которой у нас речь была выше. Он постепенно осознает связь, существующую между семьёй, национальной общиной, нацией и национальной религией, и с возрастом – всё полнее и отчётливее. Понимает, что все эти институты «держат» друг друга лишь в их связке. Одно недостающее звено в цепи – и начинают гнить все остальные звенья.

В национальной общине молодежь уже с детства приобретает навык здравого мышления, и следовательно имунитет по отношению к чужому для неё миру, понимание его порочности. Кроме того, подрастающее поколение имеет в своей общине опору для всей своей жизни.

Спасительность национальной общины для жизни нации нельзя отрицать, но, с другой стороны, общину нельзя и идеализировать. Общины, как и религии, бывают разные. И примитивные по уровню своего нравственного и умственного развития, и паразитические по отношению к внешнему миру. Бывают и преступные общины. Но даже в этом последнем случае община воспитывает в своих членах верность своим, что уже поднимает преступников в нравственном отношении над теми, кто озабочен лишь собственным благополучием.

В общинном человеке его нравственное и умственное развитие зависит, в основном, от того, каков характер национальной идеологии его народа, способна ли она совершенствоваться в интеллектуальном и нравственном отношении. И если она не способна, то в этом случае действительно возникает конфликт между общиной и её членом, поднявшимся по своему духовному развитию над её уровнем.

Вот почему разговор об общине имеет смысл только в том случае, если мы подразумеваем её способность к совершенствованию вместе с совершенствованием самого человека. Если мы готовы брать из прежних и ныне существующих типов общин всё лучшее, что в них было и есть, но не их слабости и пороки. Если мы нацелены на постоянное совершенствование своей национальной общины.

Возвращаясь к теме общинного воспитания детей, отмечу ещё такие эффекты.

В общине не только сообща присматривают за каждым ребёнком, но и сообща учат его уму-разуму. Здесь каждый – учитель по отношению ко всем младшим по возрасту, начиная уже лет с шести или семи. А если такой малолетний член общины уже учитель, то, значит, он не только сам твёрдо усваивает доступные ему истины, которым учит других, но и вникает с какого-то возраста в возможные казусы, связанные с ними.

Кроме того, есть ещё одно обстоятельство. Дети (да и не только дети, хотя они в особенности) усваивают ценные мысли и навыки не столько работой своих собственных умов, сколько подражанием авторитетам. Они подражают и взрослым, но особенно своим сверстникам, которые чуть старше их. Поэтому в национальной общине, где дети находятся по преимуществу в детской среде (причём, что особенно важно, в среде разновозрастной), освоение ими организующих их идей и навыков происходит куда естественнее и полнее, чем в общине их с одной только матерью, как это бывает в малой и одинокой семье. Если даже у такой матери-одиночки три-четыре ребёнка, то все они, будучи оторванными от естественной для них национальной среды, не в состоянии развивать друг друга.

В детских же садах, где дети разбиты на разновозрастные группы, им некому подражать и некого учить. Тем более что здесь нет единой, логически связанной, системы идей и норм, организующей всякий народ. Здесь хаос идей и норм, неизбежный для общества либерально-космополитического. А хаос идей и норм не может воспитывать.

Кроме того, в яслях и в детском саду все чужие. И пребывание в чужой среде – это причина того, что ребёнок замыкается в себе и проявляет себя в общении с другими не лучшим образом. Детские сады, лишённые необходимой для детей семейно-родственной атмосферы, являются катализаторами детских нервных болезней, которые провоцируют и физические их болезни. А умножающиеся детские болезни, в свою очередь, отражаются на состоянии родителей, особенно матери. Они её угнетают, и её угнетённое состояние сказывается, в свою очередь, на детях.

Но и это ещё не всё. В современной «эмансипированной» семье, характерной для одиноких малых семей, авторитета одной матери не хватает для того, чтобы её слова были для детей действительно авторитетными. Авторитет матери ослабляется противоречиями между супругами, неизбежными при независимости жены от мужа и независимости мужа от жены. Эти противоречия между родителями не остаются незамеченными юными наблюдателями. И они не только ранят их сердца, но и роняют авторитет родителей в их глазах. А ссоры между родителями, доходящие до скандалов с обоюдными оскорблениями, роняют их авторитет ещё больше, и венчающие это безобразие разводы – ещё больше. Но вместе с падающим авторитетом родителей падает и авторитет родительских поучений.

Если бы, подчиняясь отцу своих детей, мать подавала

им пример, как им следует относиться к нему, то и её собственный авторитет поднимался бы в их глазах. А не опускался, как это бывает обычно сегодня. Она была бы в глазах своих детей не только матерью, но и представителем грозного отца. И, покрывая мелкие грешки своих детей, пользовалась бы за это особой их признательностью.

Умная мать созидает авторитет отца, а не разрушает его. Авторитет отца – это основа семьи. Авторитет отца обязывает его соответствовать высокому мнению о нём членов его семьи. Авторитет отца нагружает его ответственностью перед каждым членом его семьи, обязывает его думать об общем порядке и условиях общего порядка в семье и в обществе. Авторитет отца способствует нравственному и умственному развитию всех членов семьи.

Если же авторитет отца разрушается, то разрушается и его ответственность перед семьёй. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Живите, как хотите, – замыкается он в себе и ограничивает свои обязанности по дому каким-то минимумом. И компенсирует свою неудачу в качестве отца чем придётся. Кто чем, в зависимости от обстоятельств и своих человеческих качеств.

Ах, если бы авторитет матери крепился авторитетом отца, взирающего на детей с какой-то убедительной для них высоты! Если бы этот общий авторитет родителей крепился авторитетом всех родственников и всех взрослых членов общины. Если бы, кроме того, на детей взирал с самой большой высоты всевидящий Бог... Не только любящий их, но и грозный.

Вот это было бы условием подлинного воспитания детей: сами воспитатели держат себя на высоте, а дети принимают от них и через них всё лучшее из исторического опыта жизни их народа. Вот тогда шло бы постоянное накопление национальной культуры, а не постоянное её разорение.

На эту тему следовало бы ещё многое сказать. Но, думается, и сказанного достаточно, чтобы понять главное: в мире разрозненных людей и разрозненных семей воспитание юного поколения невозможно. А если возможно, то лишь в такой малой степени, какой недостаточно не только для восхождения нации на всё большую духовную высоту, но даже для её удержания на том уровне, на каком она пребывает в данное время. В разрозненном состоянии народ обречён на постоянное скольжение вниз в нравственном и умственном отношении, и никакие внешние науки не способны спасти его от этого скольжения.

Итак, выше были названы и раскрыты четыре главных преимущества общинной жизни по сравнению с жизнью разрозненной: община «держит» национальную религию, община «держит» семью, община «держит» детородную способность семьи и национальное воспитание юного поколения. Без общины народ обречён на разрушение, а с разрушением народа рушится в человеке его человечность.

К этим главным преимуществам общинной жизни можно добавить ещё ряд вытекающих из них преимуществ, относящихся к разным сторонам личной и общественной жизни.

1. В псевдо-обществе, состоящем из разрозненных людей, неизбежен рост алкоголизма, наркомании, разврата и преступности всякого рода. Борьба с ними заведомо неэффективна до тех пор, пока не устранена порождающая их причина. Поэтому исцеление от названных болезней невозможно иначе, как через восстановление в русском народе (и в других народах Земли) общинного строя жизни.

2. Что касается преступности, о которой сказано выше, то особо отмечу два вида.

Во-первых, это преступность представителей государства, использующих свою власть не в интересах государства, а в своих личных и клановых интересах. В результате государство оказывается в плену у своих собственных агентов, почти открыто торгующих его интересами и его ответственностью. Эти агенты-перерожденцы ради сохранения своей власти сплачиваются и выдают из государственного аппарата добросовестных работников.

Во-вторых, это преступность не наделённых государственной властью грабителей и вымогателей, которые тоже организуются в сообщества и подчиняют себе население страны с целью его эксплуатации.

Эти две преступные силы нуждаются друг в друге не только потому, что мафия готова платить чиновникам за то, чтобы те смотрели сквозь пальцы на её дела (или даже покровительствовали ей), а чиновники, в свою очередь, рады использовать мафию для увеличения своих доходов. Ничуть не меньшее значение имеет ещё то обстоятельство, что сама деятельность мафии была бы невозможна без преступников, оседлавших государство, а эти последние не имели бы без господства мафии над разрозненным населением дополнительной гарантии своей безопасности.

Эти две преступные силы усиливают друг друга, а потому и происходит их неофициальное сращение.

3. В этих условиях свобода и достоинство любого разрозненного человека имеют иллюзорный характер. И эта иллюзия сохраняется лишь до тех пор, пока такой человек никому не нужен и никому не мешает. А если начнёт мешать или заинтересует чем-либо преступников, то им не составит большого труда подчинить его себе полностью или уничтожить физически.

Вот какая реальность скрывается за словами о «правах человека», гарантированных якобы всем гражданам в так называемом «правовом обществе». Подлинная охрана подлинных прав человека возможна лишь в обществе, построенном по типу семьи, где каждый его член работает на общее благо и потому ценен для всех и берётся всеми.

Добиться полной безопасности в мире грешных людей человек не сумеет никогда, но его стремление к наибольшей безопасности для его семьи и для его народа – это праведное стремление. Если такое стремление у него есть, то ему остаётся лишь понять, что наибольшая безопасность достигается правильной организацией его единоверцев и соплеменников. Понять – и способствовать этой правильной организации.

Чем больше и сильнее будет твоя национальная община, чем больше будет таких общин в твоём народе и чем лучше твой народ будет организован, тем больше гарантий того, что каждый его представитель будет защищён от преступников всякого рода.

4. В мире разрозненных людей надежда на возрождение государства с приходом нового его руководства – это беспочвенная надежда. Это надежда на чудо.

Но если бы даже такое чудо произошло, то новое руководство страны всё равно завязло бы в неразрешимых проблемах, порождённых и порождаемых разрозненным существованием людей.

Без правильного представления о том, каким должно быть правильное общество, не может быть ни истинного вождя, ни его соратников, ни начатков твёрдой почвы в

народе, на которые вождь и его соратники могли бы опереться. Если население останется жидкой массой, безвольной и неразумной, каковой оно становится с разрушением общинных и национальных идей, то любой вождь будет бессилён. И никакие соратники ему не помогут. И никакого исцеления нашего государства от разрушающих его болезней не будет.

Если же русские люди поймут, что разрозненное состояние — это их смерть, и, следовательно, начнут думать о том, как возродить свои национальные общины, то появится надежда на то, что им, пусть и не сразу, удастся это сделать. Поначалу они будут создавать свои общины неудачно, а затем, осмысливая свой отрицательный опыт, научатся совершенствовать своё искусство. И, наконец, обретут действительный способ возрождения своего народа.

А с его возрождением начнёт возрождаться и русское государство. И будет возрождаться в более правильном виде, чем это было когда-либо в нашем прошлом.

Но здесь надо оговориться. Идея общинного строя жизни — это фундаментальная идея, но её одной недостаточно для возрождения нашего государства в новой силе. Необходимы и другие важные идеи, отсутствие которых в нашем прошлом стало причиной скольжения русского народа в пропасть.

Например, важно понять одну простую истину. Совокупный эффект того или иного государственного устройства и той или иной государственной политики должен оцениваться, в первую очередь, не по усилению или ослаблению военной и экономической мощи государства и не по размерам новоприобретённых или утраченных им территорий, а по духовному и физическому состоянию государствообразующего народа — этого ядра всей государственной системы. Если это ядро ослабевает настолько, что перестаёт быть хозяином в своей собственной стране, то не помогут этой стране никакие внешние успехи. И её катастрофа в будущем, при сохранении такого противоестественного положения, неизбежна.

5. И ещё один эффект общинной организации людей. Общинная организация человечества является условием его спасения от экологической катастрофы, неизбежной при разрозненном состоянии людей. Это разрозненное состояние, как уже говорилось выше, разрушает их нравственность, разрушает их разум (ибо разум, утративший свою нравственную основу, заболевает и вырождается в безумие) и, таким образом, разрушает их ответственность за состояние общества и природной среды. Разрозненный человек загаживает и отравляет не только себя самого, но и всё пространство вокруг себя.

Однако дело не только в разрозненных людях. Не меньшее значение имеет сама разрушительная идея, заложенная в основание современного псевдо-общества, имя которому капитализм.

Капитализм начинался с раскручивания в людях ложных потребностей с целью увеличения рынка и, соответственно, доходов торговцев, обслуживавших эти потребности. И он невозможен в принципе без всё большего их раскручивания.

А ложные потребности людей не только обессиливают и уродуют их в духовном отношении; они извращают сам строй хозяйства. Истинное хозяйство — это способ обслуживания истинных потребностей людей, одной из которых является потребность в окружающей их живой и богатой природе. Нынешнее же извращённое хозяйство — это спо-

соб истребления природы ради наживы обезумевших предпринимателей и торговцев.

Идея, заложенная в основание капитализма, прямо противоположна идее праведной жизни, которая скромна в материальном отношении и потому позволяет человеку иметь время и силы для неспешных раздумий о смысле человеческой жизни и правильном её устройстве. Такая скромная в материальном отношении жизнь позволяет человеку быть сотрудником Бога и всех добрых людей в деле созидания всё более совершенного мира.

Но скромная личная и семейная жизнь не есть отрицание материального богатства людей в принципе. **ИСТИННОЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ БОГАТСТВО ПРЕКРАСНО.** Всё дело в том, каким оно должно быть, чтобы быть прекрасным.

Истинное материальное богатство возможно лишь в том случае, если оно служит истине и добру. А это возможно только тогда, когда семья, обеспечив себя скромным достатком, позволяющим ей развиваться духовно, радеет не о дальнейшем увеличении своего материального имущества, а о достатке своей национальной общины. И вкладывает свой труд и свои материальные средства в её развитие. Такой вклад есть самое выгодное для семьи помещение плодов её труда, потому что национальная община — это её крепость и сила. Вкладывая силы и деньги в свою общину, семья обеспечивает себя спасительной для неё средой и созидает в себе и вокруг себя мир высоких отношений между людьми, вне которого любое богатство уже не богатство.

Так и община. Если она приобретает скромный материальный достаток, позволяющий ей развиваться, то заботится в дальнейшем не о наращивании своего материального богатства, а о создании вокруг себя других, родственных ей по духу, национальных общин, усиливающих её в самых разных отношениях.

И так далее. Сначала выстроим правильно свой народ, а после этого поможем другим союзным народам выстроить себя правильно. А затем приблизимся и к задаче правильного строя всего человечества.

Вот когда будет по-настоящему спасена природа. Лишь правильной организацией человека и всего человечества в целом. Созданием нового типа цивилизации, ещё небывалого в человеческой истории. Цивилизации, в которой не на словах, а на деле будет осуществлена правда христианского образа жизни. Хотя бы в той мере, в какой это посылно для нас на этой земле.

Но начало пути к гармонии в человечестве и в отношениях между человечеством и природой — это организация нашей национальной общины.

А теперь представлю самые обычные возражения на апологию национальной общины.

ПЕРВОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ. Мне говорят, что это неправда, будто общинный строй есть условие здоровой жизни общества. Дело, говорят, не в общинах, а в том, кто нами правит. Будет у нас правильное правление — будет и возрождение нашей семьи, будет и возрождение нашей экономики, будет и возрождение нашей национальной культуры. И всё остальное у нас будет. Милиция будет бороться с преступниками, чиновники перестанут брать взятки, алкоголики бросят пить, а цены на всё станут такими низкими, что всякий ропот утихнет.

Темы государства я уже касался выше, но дополню сказанное ещё такими соображениями.

От правильного руководства действительно зависит

очень многое, с этим нельзя не согласиться. Очень многое, но далеко не всё, как думает теперь большинство русских людей, ошарашенных разрушительной политикой тех, кто стоит во главе Российского государства.

Правильное руководство – это одно из условий возрождения нашей страны, но не единственное условие. Это не панацея от всех бед. Как птица не полетит, если одно её крыло не будет помогать другому, так и правильное руководство окажется бессильным, если понадеется на одну лишь свою силу и не призовет на помощь себе другую силу, заключённую в самом народе. Заключённую в нём потенциально и не раскрытую актуально по причине ложной его организации.

Эта вторая сила есть сила общинной организации народа. Именно община, как уже говорилось выше, является условием нравственного и умственного развития людей. Если общинная жизнь народа уродуется, а затем и разрушается, то в дальнейшем неизбежен процесс всё большего духовного вырождения людей. Неизбежна порча как населения страны в целом, так и того «человеческого материала», из которого набирается состав государственной организации.

При низком качестве людей самое прекрасное руководство будет бессильно осуществить свои идеи на практике: его инициативы станут вязнуть в своекорыстных проводниках его политики и в самой развращённой, а потому и низкоумной массе населения. Из глиняных в нравственном отношении людей нельзя создать золотого в нравственном отношении общества.

Вот почему правильная патриотическая политика заключается не в сосредоточении всех сил борцов за лучшее будущее на одной только политической проблематике, а в сочетании политической борьбы с раскрытием правды о том, каким должно быть правильное общество. Не имея такого ориентира и не организовав правильно свой народ, политики обречены быть слепыми, заведомо не способными на победу. Это мы и наблюдаем сегодня.

ВТОРОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ. Мне говорят, что общинная организация народа возможна лишь в самой малой его части, лишь в сельской местности, где люди живут компактно и где они связаны с землёй. А современное хозяйство – хозяйство, по существу, городское. Оно исключает связь людей с землёй и компактное проживание общинников.

Следует согласиться, что связь человека с землёй действительно важна. Но восстановление этой связи может происходить лишь по мере духовного возрождения людей и освобождения экономики от её современных уродств. Современная экономика – это больная экономика и современный город – это больной город. Их переустройство и приспособление к истинным потребностям человека есть объективная необходимость. Иначе род человеческий обратится уже окончательно.

Что же касается утверждения, будто нынешний большой город исключает возможность существования в нём национальной общины, то оно явно противоречит факту приспособления самых разнообразных национальных общин к условиям городской жизни. В США и Европе китайцы, японцы, мексиканцы, евреи, армяне, негры, цыгане, арабы, турки и многие другие переселенцы живут как разрозненно, так и в своих национальных общинах. Чем выше уровень национального сознания в каком-либо народе, тем сильнее тяга его представителей к совместной жизни в своих национальных общинах.

Национальная община есть очень гибкая и очень жизнеспособная форма самоорганизации людей. Она может

подстраиваться даже к очень плохим для неё внешним условиям жизни. Но главная задача – не просто подстроить к чужеродному для неё миру, а начать перестраивать его под себя. Под свои собственные интересы. Поначалу перестраивать его частично, а затем во всё большем масштабе.

Если богатые люди могут строить для себя особняки и огораживать их заборами, то почему общинникам не построить для себя большой дом и тоже не огородить его забором? И кое-где это уже происходит. Самый яркий пример тому – разбросанные по всему миру чайна-тауны.

Но свои национальные дома строят на чужой территории не только китайцы. Чем хороши такие дома? Здесь общинное пространство практически закрыто для посторонних. На такой территории преступникам нечего делать, потому что здесь десятки внимательных глаз наблюдают за каждым шагом любого чужого человека.

Кроме того, в таком доме есть своя служба охраны. Здесь за детей можно не беспокоиться. А для самих детей – простор для общения с множеством общинников самого разного возраста. И в остальных отношениях тут всё приспособлено для истинных нужд общинников.

В национальном доме есть (или должны быть) помещения для общих собраний и для совместного досуга как молодых, так и людей более зрелого возраста; здесь и общая библиотека с читальным залом, и общий спортивный зал, и медицинская, юридическая службы. И, может быть, что-то ещё.

А если это будет не один дом, а два или три рядом стоящих дома? Если это будет микрорайон, принадлежащий нескольким родственным общинам? Тогда появится в своём роде маленькое автономное государство со своими магазинами, своей прачечной, своими небольшими кустарными или машинными производствами.

Здесь найдётся место и для женского труда, и для юношеского, и для детского; причём труда в таких формах, которые максимально бы соответствовали их половым и возрастным особенностям.

Такой городской район мог бы снабжаться продуктами питания от их непосредственных производителей на селе, минуя грабителей-перекупщиков. И в свою очередь этот район мог бы помогать своим партнерам-крестьянам в самых разных отношениях. Обеспечивать их, например, дешёвой гостиницей, когда те приезжают в город, позволять им пользоваться местным общинным овощехранилищем. А на селе можно было бы создать, по договорённости с крестьянами, дешёвый летний лагерь для своих детей, чтобы они не только проводили каникулы на природе, но и познакомились с крестьянской жизнью, помогали крестьянам своим трудом. Детство, лишённое труда, – это порочное детство. Да и взрослые могли бы проводить отпуск в таком «своём» селе с пользой для себя и для местных крестьян. Вот это была бы кооперация.

В общинном доме возможен и свой детский сад, принципиально отличающийся от современных детских садов. Здесь собирались бы на половину дня или на треть дня дети родственников и соседей под руководством не чужих наставников, а своих же родных и близких, единоверцев и соплеменников. Здесь религиозное и национальное воспитание детей не отравлялось бы безбожием и космополитизмом современных детских садов, а усиливалось и развивалось.

А если возможны свои национальные детские сады, то почему бы не появиться и своим национальным школам?

Выход из общины во внешний мир здесь будет открыт для каждого общинника. Но он выйдет во внешний мир не духовно слепым, а духовно зрячим и уверенным в себе человеком. Знающим, что у него за спиной есть его крепость – его национальная община.

ТРЕТЬЕ ВОЗРАЖЕНИЕ. Оно есть разновидность предыдущего возражения.

Мне говорят, что при общинном строе невозможны крупные формы производства, что общинная жизнь подразумевает малые предприятия, организуемые самой общиной. В этом утверждении есть какая-то доля правды, но только доля. Ведь как уже говорилось выше, община есть гибкая форма самоорганизации людей. Она способна приспосабливаться к разным условиям жизни, в том числе и к не лучшим для неё, а затем изменять эти условия, приспособивая их к себе.

Если семья не разрушается от того, что мужа работают вне дома, то почему должна разрушаться от этого община? Центр тяжести общинной жизни не в хозяйственных делах, а в нравственном единстве общинников и совместном их проживании. Центр тяжести там, где дети и жёны, где родственники и соседи, где общая организация и общая территория.

Сказанное подтверждается практикой жизни современных общин, члены которых работают на разных работах вне своей общины. Утром уходят из неё на работу, а после работы возвращаются.

Кроме того, надо учесть, что не только средние предприятия, но даже малые вполне жизнеспособны при современном хозяйственном строе. А при общинном строе повысится не только их роль, но даже роль кустарного производства. И, следовательно, умножатся соответствующие рабочие места как на территориях самих общин, так и поблизости от них.

«А если говорить, – пишет крупнейший экономист М.Ф.Антонов, – о постиндустриальном, информационном обществе, то там мелким предприятиям, объединяющим членов артели единомышленников, может принадлежать, особенно в инновационной сфере, важнейшее место во всей структуре общественного производства» (М.Ф.Антонов. «Экономическое учение славянофилов», Москва, Институт русской цивилизации, 2008 г., стр. 399).

ЧЕТВЁРТОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ. Мне говорят, что современные русские люди очень завязли в своём бездумном и беспочвенном образе жизни и изменить его уже не способны. А если даже какая-то их часть окажется способной что-то делать по части организации своих общин, то их рост будет, как нетрудно догадаться, столь медленным, что не сможет предотвратить вымирание основной массы русского народа. Да и не допустят враги русского народа возникновения даже первых русских общин, не говоря уж об их размножении.

Что можно ответить на это возражение? Мы не знаем сегодня действительного состояния русского народа: убит он духовно или тяжело ранен. Мы знаем лишь то, как ведут себя русские люди в настоящее время, когда они не видят разумного выхода из нынешнего положения. Не видят его, а потому и ведут себя не лучшим образом.

Но могут ли они вести себя иначе, если значение русской национальной общины для них не раскрыто?

Вот почему судить о том, способны ли русские на создание своих национальных общин или уже не способны, пока рано. Поначалу надо раскрыть их значение и показать, каким образом их создавать в наше время. А затем довести этот общинный проект, по возможности, до каждого русского человека. И впрямь самим в практическое его осуществление. Вот когда мы увидим, способны ли современные русские люди на разумную деятельность или уже не способны.

Рост русских общин, если он начнётся, может быть очень медленным, но может стать и взрывоподобным, если государство поймёт спасительность для себя общинной организации народов. Нельзя исключить полностью, что со временем даже нынешние враги русского народа перестанут быть его врагами и начнут помогать русскому делу. Это может произойти в том случае, если они поймут, что с уничтожением русского народа сами окажутся в отчаянном положении. Намного худшем, чем при добросовестном сотрудничестве с ним.

В связи с этим полезно вспомнить, что христианский переворот в Римской империи совершился тогда, когда христиане были в количественном меньшинстве (что-то около 10% от всего населения) и как материальная сила были несравнимы с материальной силой Римского государства. Причиной переворота стало духовное состояние римского общества.

Причина была в том, что язычники доросли до понимания нравственной несостоятельности своих богов, но были вынуждены поддерживать их культ ради спасения своего государства. Они понимали: общая религия есть главная связь, объединяющая людей в единое целое, а потому она же есть и духовное основание их государства. Рухнет это основание – и вслед за ним рухнет империя.

Но формальная вера в языческих богов не могла спасти сердца римлян от фактического идейного опустошения, которое влекло за собою и нравственное опустошение. Население империи разлагалось в нравственном отношении, а нравственность – это тоже, наряду с религией, необходимое условие существования государства. Опустится нравственность ниже какого-то уровня – и потребуются лишь какой-то внешний или внутренний толчок, чтобы государство распалось.

Вот почему смена примитивной и нравственно несостоятельной религии в Римской империи религией высокого типа стала объективной необходимостью. И невозможным стало возможным: потомуки врагов христианства стали на его сторону и позаботились о его торжестве в империи.

Нечто подобное может произойти и в нашем будущем, хотя гарантии, что это случится, нет никакой.

Всё зависит от многих условий, угадать которые заранее невозможно. Всё может быть – и новая жизнь русского народа, и окончательная его смерть. А потому и гипнотизировать себя заранее мнимым всемогуществом его врагов – значит помогать этим врагам.

Всё зависит от многих условий, одно из которых (и, думается, самое главное) – сумеют ли сами русские развить такую энергию в деле своей самоорганизации, которая сделает невозможное возможным. Сумеют ли донести правильные идеи до каждого русского человека и пробудить его тем самым к высшей жизни. К служению Богу и своему народу.